

КУЛЬТУРНОЕ

И

ПРОМЫШЛЕННОЕ СОСТОЯНІЕ СИБИРИ

Докладъ И. М. ЯДРИНЦЕВА

(ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА 300-ЛѢТІЯ СИБИРИ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 марта 1884 г.

Культурное и промышленное состояніе Сибири.

Докладъ Н. М. Ядринцева.

(Въ торжественномъ засѣданіи Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли 6-го декабря 1882 г., по случаю исполнившагося 300-лѣтія Сибири).

Мм. Гг.

Въ виду наступающаго юбилея присоединенія Сибири къ Россіи на меня выпала честь доложить Вамъ о современномъ экономическомъ положеніи Сибири и о той культурѣ которую мы встрѣчаемъ въ русскихъ владѣніяхъ на Востокѣ, послѣ 300-лѣтняго историческаго ихъ существованія.

Мнѣ приходится говорить о судьбѣ страны слишкомъ громадной, чтобы дать вамъ полную картину ея, о странѣ пока съ рѣдкимъ населеніемъ, слабо развитою еще экономической жизнью, но богатой задатками и имѣющей свое будущее. Судьба этихъ владѣній оставалась для насъ весьма долго загадочной, о краѣ этомъ составлялись неопредѣленные представленія, носились мифы. Край этотъ, по капризу судьбы, то возбуждалъ воображеніе, то вселялъ разочарованіе и становился краемъ „забытымъ“. Такія превратности не могли не отразиться на его жизни, но, тѣмъ не менѣе, жизнь и культура совершали свое дѣло. Намъ предстоитъ, въ настоящее время, установленіе болѣе правильныхъ возрѣній на его жизнь, уразумѣніе дѣйствительности и выработка болѣе сознательнаго отношенія къ его исторіи.

Не знаю удастся ли мнѣ хотя въ немногихъ чертахъ познакомить Васъ съ разнообразной природой этого края, вліявшей на распредѣленіе населенія, съ постепеннымъ развитіемъ культуры

въ странѣ когда-то пустынной и почти необитаемой, съ условіями борьбы совершавшейся здѣсь, съ вѣковымъ трудомъ русскаго народа, съ постепеннымъ измѣненіемъ взглядовъ и, наконецъ, съ тѣмъ, что представляетъ современная его экономическая жизнь, на что указываютъ насущные жизненные вопросы. Если мнѣ и не удастся это, ибо это была бы уже цѣлая исторія края, то, во всякомъ случаѣ, я исполню хотя часть задачи, остановивъ Ваше благосклонное вниманіе на минуту на краѣ отдаленномъ и забытомъ, которому, однако, посвящены были мои силы, занятія, и отданы лучшія симпатіи.

Мнѣ придется поневолѣ касаться параллели прошлаго и настоящаго этого края. Одно уже пространство этой страны напоминаетъ какія пріобрѣтенія сдѣланы нами на Востокѣ съ XVI столѣтія. Эти завоеванія еще болѣе покажутся значительными, если мы припомнимъ Русь XVI вѣка въ ея объемѣ.

Въ настоящее время все пространство Сибири отъ Урала до Восточнаго океана и отъ южныхъ степей до Ледовитаго океана, между 45° и 77° с. ш., опредѣляется одними учеными въ 245,700 кв. миль, или 11,885,400 кв. верстъ, другими въ 268,855 кв. миль. Эта громадная страна превосходитъ, по вычисленію ея изслѣдователей, Европейскую Россію, вмѣстѣ съ Финляндіей и Царствомъ Польскимъ, болѣе чѣмъ вдвое; ея пространство гораздо больше всей Европы, равно четвертой части Азіи, больше Австраліи и немного менѣе половины Африки. Ея настоящія губерніи, напр. Томская въ $1\frac{1}{2}$ раза больше Франціи, въ $2\frac{1}{2}$ Великобританіи, въ 3 Пруссіи, а Тобольская уже болѣе Томской на цѣлыя 10,000 кв. миль. Полоса между 60° и 45° представляетъ слишкомъ достаточно пространства на огромномъ протяженіи въ 8,000 верстъ, чтобы найти мѣсто для жизни и развернуть извѣстную культуру. Пространство, удобное по климатическимъ условіямъ для жизни и для культуры, исчисляется въ 115, 152 кв. мили. Можно сказать, что это одно изъ величайшихъ колоніальныхъ владѣній русской народности. Только колоніальныя владѣнія Великобританіи могутъ соперничать съ русскими владѣніями.

Природа и топографія Зауралья представляетъ крайнее разнообразіе. На большомъ протяженіи здѣсь чередуются равнины, степи, огромная лѣсная полоса и наконецъ на югѣ и востокѣ проходятъ

нѣсколько значительныхъ горныхъ хребтовъ, придающихъ многимъ мѣстностямъ Сибири горный характеръ. Степи средней Сибири весьма отличаются отъ среднихъ-азіатскихъ и киргизскихъ степей; такъ называемая барабинская, ишимская и кулундинская степи составляютъ не что иное какъ равнины, покрытыя роскошной травяной растительностью и усѣяныя березовыми рощами: плодородіе этихъ степей изумило академика Миддендорфа. Нѣкоторыя степи можно назвать пампасами Сибири. Среди нихъ помѣщаются огромныя водныя бассейны въ родѣ озера Чановъ, занимающаго 2.910 кв. верстъ, окруженнаго массой другихъ второстепенныхъ озеръ. Озера эти усѣяны табунами птицъ. Къ югу степи покрыты солеными озерами.

Благодаря обширнымъ пастбищамъ на сѣверѣ и югѣ Сибири, въ ней пропитывается, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, только въ одной западной половинѣ — 11.249,900 головъ скота, въ томъ числѣ 2.703,300 лошадей, 93,500 оленей, 170,500 верблюдовъ, 1.606,000 рогатаго скота и 5.679,300 барановъ. При этомъ верблюды, и затѣмъ 1.300,000 лошадей, 700,000 рогатаго скота и 4.200,000 барановъ приходятся на киргизскую степь, а остальное на земледѣльческую полосу. Если мы прибавимъ къ этому половину такого количества скота въ Восточной Сибири, то мы поймемъ, что скотоводческія богатства Сибири замѣчательны и превосходятъ австралійское скотоводство, считавшее недавно до 10.000,000 головъ скота.

Лѣсная полоса Сибири, начинающаяся съ 57° с. ш., простираясь къ сѣверу, представляетъ сплошныя урманы и тайги. Сѣверная тайга смѣняется къ югу въ Кузнецкомъ и Гійскомъ округахъ Томской губерніи — такъ называемой „чернью“.

Эти дѣвственные лѣса изобильны вѣковыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойныхъ деревьевъ, а въ южной черни — береза, тополь, осина и даже липа увеличиваютъ разнообразіе; множество ягодъ, кустарники, какъ тавалга, жимолость, аргай и другія породы добавляють растительность, а дикій хмѣль и вьющіяся растенія, обвивая эти лѣса ліанами, напоминають кущи дѣвственной Америки.

Лѣсная площадь Западной Сибири въ 11 округахъ Томской и Тобольской губерній считается въ 56 миліоновъ десятинъ, не считая лѣсовъ Семипалатинской и Акмолинской областей, имѣющихъ около

1 миліона десятинъ. Такое количество превышаетъ пространство казенныхъ лѣсовъ трехъ крупныхъ сѣверныхъ губерній Россіи: Олонецкой, Вологодской и Пермской, имѣющихъ только 55.000,000 десятинъ. Мы не говоримъ о лѣсахъ Восточной Сибири и Амура, превышающихъ приведенныя цифры болѣе чѣмъ вдвое.

На югѣ Сибири обиліе рѣкъ, падающихъ съ высокихъ горъ въ плодородныя долины, составляетъ ирригацію этой мѣстности. Долины Бухтармы или часть Забайкалья и Амура пользуются благословеннымъ климатомъ.

Цвѣтущая альпійская растительность здѣсь покрываетъ луга и склоны горъ, благопріятствуя развитію скотоводства и пчеловодства, которыя представляютъ уже и нынѣ богатые задатки жизни. Многія горныя мѣстности Алтая и Минусинскаго края, по своей живописной природѣ, не уступаютъ Швейцаріи, а теченіе Иртыша въ горахъ напоминаетъ Рейнъ. Горный раіонъ одной Западной Сибири равняется пространству пяти европейскихъ Швейцарій и представляетъ несравненно болѣе разнообразія.

Въ этихъ горахъ тѣ же альпійскія озера, величественныя водопады и вершины горъ, увѣнчанныя облаками и вѣчнымъ снѣгомъ. Алтайская флора роскошна и разнообразна: фіалки, жасминъ, бѣлая и желтая роза, сибирская лилія, піоны, дельфиніумъ, роскошныя мальвы, гіацинты, великолѣпные рододендроны покрываютъ горы. На югѣ Сибири, въ Катунскихъ альпахъ, находится свой Монъ-бланъ, не менѣе живописный, съ спускающимися въ долину глетчерами. Горы Сибири достигаютъ высоты 10 и 12,000 футовъ надъ поверхностью моря. Хлѣбопашество на нихъ простирается до высоты 4,000 футъ.

Обращаясь вообще къ полосѣ доступной для земледѣлія, мы не можемъ не признать, что, въ виду протяженія Сибири, полоса эта не можетъ быть незначительной. Почвенныя условія въ большинствѣ крайне благопріятны. Десять округовъ Тобольской губерніи и почти вся Томская, исключая сѣверныхъ частей Нарымскаго округа, находятся въ земледѣльческой полосѣ; точно также и значительная часть Енисейской, Иркутской губерній и все Забайкалье. Земледѣліе распространяется нынѣ въ степяхъ и горныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ средне-азіятскіе народы съиздавна употребляютъ орошеніе.

Почва Сибири по своей тучности не требует удобренія. Бремъ выразился, что *настоящее золото Сибири* — это *ея черноземъ*. Урожаи на дѣвственной почвѣ огромны.

Такихъ способныхъ къ хлѣбопашеству земель Министерство Государственныхъ Имуществъ высчитало въ Западной Сибири 660,915 кв. верстъ, т. е., 69.465,866 десятинъ, а въ Восточной — 1.612,390 кв. верстъ или 167.890,110 десятины. Уже однѣ цифры поражаютъ воображеніе. По свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ, въ числѣ крестьянскихъ надѣловъ пахатныхъ земель въ 1878 году въ Тобольской губерніи было 5.773,272 десятины и вдвое болѣе въ Томской.

Но все это пространство, вся грандіозность природы, все ея разнообразіе, не могли быть открыты сразу, хотя видъ страны не могъ не произвести своего впечатлѣнія даже въ первую эпоху.

Вамъ извѣстно какое впечатлѣніе произвело открытіе Америки и какое оно имѣло послѣдствіе для Европы. Новый міръ, новая природа, естественныя произведенія, встрѣча съ новыми расами и новое обширное поприще для человѣческой дѣятельности, все это не могло не дать своего импульса. Подобное же, если не тождественное, значеніе имѣло открытіе Сибири въ смыслѣ пробужденія русскаго ума. Разница нашихъ открытій отъ европейскихъ состояла развѣ въ томъ, что мы не имѣли достаточно знаній и научныхъ средствъ сразу узнать край и совершаемъ это исподволь рядомъ научнаго ознакомленія. Иначе — мы доселѣ открываемъ еще Сибирь.

Русскій народъ почти инстинктивно понялъ значеніе этого края и направилъ сюда свою дѣятельность. Нельзя сказать, чтобы 300-лѣтній трудъ его не увѣнчался успѣхомъ. Мы видимъ предъ собою гражданскую страну со всѣми задатками благосостоянія. Тѣмъ не менѣе мы не сразу составили себѣ понятіе о томъ, чѣмъ мы владѣемъ и дѣйствительно ли то, чѣмъ мы владѣемъ, имѣетъ цѣнность. Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія возникали сомнѣнія въ значеніи этого края и пригодности его для жизни. Многимъ русскимъ людямъ тогда и даже доселѣ представляется этотъ обширный край съ суровымъ климатомъ и тундрами, мало заселенными, съ скудными путями сообщенія, единственною транзитною дорогою на 8,000 верстъ, съ слабо развитою экономическою дѣятельностью. Извѣстенъ былъ взглядъ одного писателя, доказывавшаго въ 40-хъ

годахъ, что Сибирь не имѣетъ никакой будущности и существуетъ скорѣе насчетъ Европейской Россіи, принося болѣе убытка, чѣмъ выгоды. „Сибирь, питаясь соками Россіи, мало отъ того тучнѣетъ, говоритъ онъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы“. Это не былъ одинъ исключительный взглядъ: таковъ былъ приговоръ многихъ русскихъ людей. Край долго считался пригоднымъ развѣ для преступниковъ, но не для жизни. Даже Сперанскій, въѣхавъ въ Сибирь, подъ вліяніемъ предубѣжденій, писалъ: „Это мѣсто, пригодное для ссылки, но не для жизни и гражданственности, основанной на хлѣбопашествѣ и промышленности“. Только посѣтивъ югъ, по возвращеніи, онъ разубѣдился и сдѣлалъ отзывъ объ Алтайскомъ округѣ, какъ о край благословеннѣйшемъ, назначенномъ для промысловъ и развитія сильнаго и богатаго населенія.

Слѣдъ этихъ предубѣжденій на страну сохраняется до послѣдняго времени при обсужденіи ея жизненныхъ вопросовъ. Одни считаютъ ее бѣдною въ смыслѣ дѣйствительности, другіе—богатою въ смыслѣ будущности. Конечно время и историческое существованіе края опровергло многіе изъ возникшихъ предразсудковъ. Достаточно взглянуть на естественно-историческія условія этого края, на культуру уже создавшуюся здѣсь, на колонизацію, чтобы понять, что гражданское и культурное развитіе здѣсь уже до известной степени обезпечено.

По мѣрѣ исторической жизни русскій народъ расширяетъ районъ культурный, до послѣдняго времени, внутри самой Сибири и пустыня, по мѣрѣ расчистки, становится не такъ непривѣтна. Самый сѣверъ Сибири далеко не является такимъ непроизводительнымъ, какъ о немъ думали. Сѣверныя экспедиціи даютъ массу матерьяла объ его естественныхъ произведеніяхъ и производительности. На картѣ Брема мы видимъ полосу лѣсовъ около Березова. Наконецъ позволю обратить Ваше вниманіе на полосу повидимому мертвыхъ пространствъ. На картѣ Сибири, между Сургутомъ и Надымомъ, Вы видите мѣстность, которая доселѣ считалась полосой безжизненныхъ тундръ, трудно доступныхъ даже дикарю.

Экспедиція 1878 г., подъ покровительствомъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, доказала, что полоса лѣсной растительности проходитъ вплоть до Надыма. Топографъ Хандажевскій вывезъ образчики огромныхъ лиственницъ, ко-

торья полосами идутъ по Надыму. Другой примѣръ: на той же картѣ Западной Сибири между Иртышемъ и Обью вы видите огромный водораздѣлъ. Это пространство носить названіе Васьюганскихъ болотъ и отдѣляетъ населенные округа двухъ губерній. Здѣсь недавно еще господствовали непроходимые лѣса и болота. Нечего было думать о жизни и культурѣ въ этихъ мѣстахъ. Но къ удивленію недавно открылось, что русское населеніе изъ Тарскаго округа стало пролагать пути, по рѣчкамъ ютится колонизація, расчищаются лѣса. Нынѣ командированъ въ этотъ районъ для изученія членъ Географическаго Общества Григоровскій, который извѣщалъ, что здѣсь ютится раскольничья колонизація, и районъ этотъ оказался уже населяемымъ. Такихъ загадочныхъ и мало-извѣстныхъ мѣстъ не мало въ Сибири. Въ вершинахъ Енисея на Усѣ только въ 1862 году открыты поселенія близъ границъ Китая.

Такимъ образомъ населеніе и культура, постепенно водворяясь въ этомъ краѣ, безпрестанно расширяетъ районъ жизни. Первое движеніе русскаго населенія на Востокъ можно характеризовать словами Токвиля: оно шло такъ быстро, что дѣвственные лѣса снова подымались позади его, какъ подымаются высокія травы за быстро снѣшащимъ путникомъ. Въ исторіи колонизаціи новыхъ странъ замѣчено, что населеніе хватается прежде всего за мѣста легко-доступныя для жизни, но не самыя плодородныя, поэтому и теперь еще трудно сдѣлать опредѣленіе границъ жизни и расселенія въ будущемъ.

Укажемъ, что климатъ далеко не мѣшалъ распространенію русскаго населенія на Востокъ. Русский человѣкъ явился закаленнымъ сѣверяниномъ, которому холодъ не диво. Онъ пролагаетъ пути и начинаетъ колонизацію съ Сѣвера. Припомнимъ первые шаги и пути сообщенія русскихъ въ XVI и началѣ XVII столѣтій. Только постепенно они овладѣваютъ среднею и южною Сибирью. Что касается послѣднихъ мѣстъ, то здѣсь, при умѣренности климата и благоприятныхъ топографическихъ условіяхъ, колонизація разливается уже болѣе широкою волною. Это вамъ покажетъ этнографическая карта Сибири.

Разсматривая по этнографической картѣ распространеніе русскаго населенія восточной окраины, отъ Урала къ Восточному океану, мы видимъ слѣующую картину: по югу всей Сибири, тот-

часть по переходѣ черезъ Уралъ, вплоть до границъ верхней Тунгузки, впадающей въ Енисей, тянется сплошная лента русскаго населенія; эта сплошная масса занимаетъ пространство между Верхотурьемъ и Троицкомъ, Тобольскомъ и Петропавловскомъ, суживающееся между Тарой и Омскомъ и нѣсколько расширяющееся между Томскомъ и Біей; далѣе, въ Енисейской уже губерніи, по рѣкамъ, впадающимъ въ Енисей, около Нижне-Удинска она рѣзко обрывается. Остальное пространство — пустыня; только по теченію рѣкъ въ этой пустынѣ тянутся еще тонкія красныя нити населенія по Оби, Енисею, Ленѣ до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва развѣтвляясь кое-гдѣ въ паутину, какъ, напримѣръ, къ Вилюйску или съ Амура по правой сторонѣ Уссури и къ Николаевску. Остальное пустынное пространство отмѣчено кое-гдѣ разбросанными крапинками и гнѣздами, какъ бы пикетами русской народности. Въ сущности это распредѣленіе можно сравнить съ двигающейся на востокъ колонной, сначала сплошной, потомъ суживающейся, наконецъ, совершенно теряющейся въ пустынѣ, какъ теряется рѣка въ песчаной степи; непріятеля здѣсь изображаетъ оттѣсняемый по ту и другую сторону инородецъ; армія эта ведетъ ожесточенную борьбу съ природой; она намѣчаетъ дороги, наводитъ мосты, рубить лѣса, и ея развѣдчики, часто удаляясь далеко впередъ, не успѣваютъ оглянуться, какъ лѣса эти снова за ними поднимаются. Начиная отъ Запада къ Востоку по всей средней Сибири, какъ мы указали, чередуются прекрасныя, благопріятныя для жизни земледѣльческія степи. Къ югу Сибири начинаются степи менѣе лѣсистыя и болѣе пригодныя для скотоводства. Эти степи, покрытыя солонцами и скудная растительностью, обрываютъ какъ бы полосу плодородія, но это только видимо. Скоро, какъ бы навстрѣчу оскудѣвающей и жаждущей влаги почвѣ, выдвигаются съ юга хребты Тянь-Шаня, Алтая и Саяновъ, испуская массу источниковъ съ своихъ снѣжныхъ хребтовъ и мы вновь встрѣчаемъ цвѣтушія долины, оживленные влагою. Предгоріе и долины южной Сибири составляютъ самую благодатную мѣстность.

Семирѣченскій край, округи Бійскій, Томской губерніи, Минусинскій, Забайкальскій, привлекая все болѣе и болѣе населенія, по климату считаются Сибирской Италіей.

Соотвѣтственно этимъ естественнымъ и климатическимъ усло-

віямъ и русская колонизація постепенно занимаетъ югъ. Взглянемъ на минуту на историческую картину этой колонизаціи. Она началась по великимъ сѣвернымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ. Въ XVI столѣтіи она достигаетъ по рѣкамъ границъ Томской губерніи. Въ XVII столѣтіи наполняются промежутки въ средней полосѣ Сибири. Въ XVIII столѣтіи проводятся дороги, тракты, пограничныя линіи, казенная колонизація рисуется и замыкаетъ государственныя границы. Въ XVIII столѣтіи правительство даже стремится сдержать эти потоки колонизаціи, остановить разбродъ русскаго населенія, но отпрыски колонизаціи идутъ дальше и дальше. Съ начала XIX столѣтія прорвана была заповѣдная линія на югъ Томской губерніи.

Такъ называемый инородческій раіонъ за Бійскою линіею сталъ наполняться массами переселенцевъ. Это была колонизація чисто вольно-народная, идущая по чутью. Изучая движеніе переселеній, такіе примѣры мы видѣли во многихъ мѣстахъ Сибири.

Послѣднія изслѣдованія колонизаціи показали направленіе ея и открыли намъ какой потокъ крестьянства стремится на Сѣверо-Востокъ. Этотъ колонизаціонный потокъ идетъ:

I. По паровымъ путямъ черезъ Екатеринбургъ:

Сначала по желѣзной дорогѣ до какой-нибудь изъ волжскихъ пристаней, потомъ на пароходѣ до Перми и затѣмъ по уральской ж. д. до Екатеринбурга. Отсюда переселенцы нанимаютъ ямщиковъ до Тюмени, гдѣ болѣе зажиточные садятся на пароходъ, который доставляетъ ихъ въ Томскъ, изъ Томска же они продолжаютъ путь до Барнаула и Бійска на лошадяхъ; болѣе же бѣдныя покупаютъ въ Тюмени лошадей и кибитки и на нихъ отправляются дальше, черезъ Ишимъ и Тюкалу, разспрашивая о дорогѣ встрѣчныхъ жителей, которые большею частью направляютъ ихъ изъ Тюкалы по такъ называемому „купеческому тракту“, минуя Омскъ, до ст. Еланской, гдѣ опять начинается почтовый трактъ. Впрочемъ, многіе переселенцы предпочитаютъ идти „по столбамъ“, а слѣдовательно черезъ Омскъ.

II. По сѣверному конному пути черезъ Екатеринбургъ, минуя Тюмень, по линіи:

Котельничъ — Вятка — Глазовъ — Оса — Пермь — Кунгуръ — Екатеринбургъ — Шадринскъ — Курганъ — Ишимъ и т. д.

Этимъ трактомъ идутъ переселенцы изъ губерній: Вологодской, Вятской, Пермской и Тобольской.

III. По среднему пути черезъ Челябинскъ, по линіямъ:

1) Лукояновъ ¹⁾ или Саранскъ ²⁾ — Симбирскъ — Бугульма — Уфа — Златоустъ — Челябинскъ — Курганъ — Ишимъ и т. д.

2) Бузулукъ ³⁾ — Стерлитамакъ — Уфа и т. д.

3) Мензелинскъ ⁴⁾ — Бирскъ — Челябинскъ и т. д.

Этимъ путемъ идутъ переселенцы изъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерній.

IV. По южному пути черезъ Оренбургъ:

Этимъ путемъ обыкновенно слѣдуютъ переселенцы изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Добравшись на лошадахъ или по желѣзной дорогѣ до Оренбурга, они продолжаютъ путь черезъ Троицкъ, откуда направляются по печатному маршруту, выдаваемому въ Батракахъ, на Петропавловскъ и Омскъ, или же, помимо маршрута, опять-таки на Курганъ, Ишимъ, Тюкалу и т. д. Послѣдній путь обыкновенно предпочитается вслѣдствіе дороговизны кормовъ и пропитанія въ Акмолинской области, въ мѣстахъ поселенія киргизовъ, незанимающихся земледѣліемъ.

Въ то время, когда недавно по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ населеніе какъ-бы сочилось капля по каплѣ, постепенно перечисляясь, народъ шелъ подѣ различными предлогами и цифры этихъ переселеній по послѣднимъ изслѣдованіямъ весьма внушительны. Въ 25 лѣтъ въ одну Томскую губернію перечислено 34,988 д. крестьянъ. Въ 20-ти-лѣтіе въ двѣ сибирскія губерніи перечисленіе равнялось 60,000, а если мы прибавимъ восточныя губерніи, то это переселеніе будетъ еще болѣе. Какъ быстро заселяются раіоны на югѣ показываетъ колонизація въ Алтаѣ. Здѣсь, съ начала нынѣшняго столѣтія, образовались 5 горныхъ волостей, гдѣ находится 50,000 населенія. Съ 1866 года по 1878 годъ сюда причислено

¹⁾ Нижегородской губ.

²⁾ Пензенской губ.

³⁾ Самарской губ.

⁴⁾ Уфимской губ.

переселенцевъ около 8,000. Въ Семирѣченской области, недавно открытой для колонизаціи, въ 1872 году имѣлось 31,800 жителей, явившихся воронежцевъ, вятичей и пр. 7,000 въ 10 лѣтъ. Какою плотною массою идетъ населеніе всѣми путями можно судить по тому, что въ одномъ сибирскомъ городѣ на югѣ можно было опросить болѣе 1,000 семей. Нѣсколько лѣтъ назадъ еще переселенцы въ Сибирь не двигались на пароходахъ по Оби. Нынѣ, по доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ оказывается, что въ 2 года во время лѣта на пароходахъ изъ Тюмени до Томска перевезено около 6,000 душъ. Безъ сомнѣнія такимъ путемъ ѣхала только часть состоятельныхъ.

Какъ быстро возрастаетъ благосостояніе на новыхъ земляхъ въ Алтаѣ и другихъ мѣстахъ можно видѣть потому, какъ растутъ села, какъ развивается около нихъ хлѣбопашество и скотоводство. Недавно опубликованы весьма любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ одной деревни переселенцевъ въ Томской губерніи, гдѣ видно, какъ изъ ничтожной деревнюшки постоянно возрастало цѣлое селеніе, увеличивался скотъ и возрастало благосостояніе переселенцевъ;—такихъ примѣровъ множество въ привольныхъ мѣстахъ Сибири.

Все это дало намъ поводъ сдѣлать слѣдующую характеристику крестьянской колонизаціи на Востокѣ.

Приобрѣтеніе, завоеваніе, наконецъ, заселеніе Сибири есть продуктъ двухъ силъ—государственной и вольно-народной. Мы видимъ, что государство намѣчаетъ остроги, крѣпости, проводитъ линіи, наконецъ, пролагаетъ тракты и такимъ образомъ создаетъ, такъ сказать, вѣхи и колья, межи и планъ для колонизаціи. Народная колонизація, въ видѣ народа-плотника, мало того, что осуществляетъ планъ, но и наполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матерьяломъ; мало того, она часто идетъ дальше архитектора, расширяетъ зданіе, при чемъ вѣхи, колья и планъ являются послѣ того, какъ уже началась постройка.

При правительственной колонизаціи мы видимъ массу обязанныхъ служилыхъ людей, казаковъ, водворенныхъ, по распоряженію правительства крестьянъ, прикрѣпляемыхъ ямщиковъ, назначенныхъ на мѣста преступниковъ, высланныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, даже женщинъ для уравниванья половъ, но государство къ этому вынуждается только необходимостью. Это

не административная обязанность, иначе говоря, архитекторъ, увлекаемый жаждой созиданія, желая скорѣе обезпечить за собой мѣсто постройки, берется самъ за топоръ. Когда настоящій работникъ появляется, архитекторская работа исчезаетъ подъ новой громад-ной работой настоящихъ плотниковъ. Казенная колонизація, составляя временную функцію, весьма часто дѣлаетъ промахи, увлекается планомъ и фасадомъ, не сообразивъ прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непроизводительной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ экономіи; много народу гибло на казенныхъ трактахъ, не мало было создано искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ падали и теряли значеніе. Образецъ такой колонизаціи—въ степяхъ и на Амурѣ. Но еще важнѣе то, что эта искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни, здѣсь не достаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія. Это могла сдѣлать только добровольная колонизація. Сколько бы не было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны администраторовъ и регламентаторовъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума, они не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которая находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая самъ себѣ дорогу. Вотъ почему народно-историческія зданія вырастаютъ такъ неожиданно и создаются такъ оригинально, какъ не можетъ вообразить себѣ самый смѣлый государственный умъ; что въ 80 лѣтъ съ небольшимъ будетъ завоевана и укрѣплена цѣлая часть свѣта, какъ Сѣверная Азія, территория, превосходящая Римскую Имперію,—не рѣшится предсказать ни Цезарь, ни Наполеонъ; народъ же совершаетъ это, не имѣя даже полководца во главѣ. Обѣщать, въ пустынномъ краѣ, въ извѣстный срокъ создать населеніе, культурную жизнь, водворить осѣдлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность, едва ли возьметъ самый могущественный государственный человѣкъ; по крайней мѣрѣ онъ не можетъ ручаться за успѣхъ подобной работы, онъ не можетъ, силою одной своей воли, сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность

двигать массами превосходила силы Фараона. Но народъ, пущенный живымъ токомъ въ новую страну, создаетъ это съ не предусмотрѣнной быстротой.

Оттого часто тамъ, гдѣ копошился незамѣтно народный трудъ, гдѣ работалъ онъ втайнѣ, гдѣ, какъ муравей, скользилъ онъ подъ почвою и за корою деревьевъ, гдѣ часто скрывался онъ въ подземельяхъ, въ тайникахъ и дебряхъ лѣсовъ отъ регламентаціи и принудительной работы, — срывая занавѣсъ, мы внезапно открываемъ нѣчто болѣе грандіозное и превосходящее египетскія пирамиды, мы видимъ сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышащіе исторической жизнью и будущностью, величественныя архитектурныя зданія подобно тѣмъ, какія насажены народными силами въ дебряхъ Америки, Австраліи и Сибири.

Изъ этого можно видѣть какую видную роль играетъ колонизаціонный вопросъ и свобода переселеній въ Сибирь. Если нашей колонизаціи на Востокъ будутъ открыты свободные пути, если мы положимся на смыслъ нашего народа — онъ довершитъ свою историческую работу. Указавъ главную культурную силу, обратимся къ промышленной дѣятельности на Востокъ. Особыя условія края создали и новыя стремленія. Значительная часть земледѣльческой Россіи, переваливъ Уралъ, получаетъ новый характеръ дѣятельности; прежде всего мы видимъ особое стремленіе воспользоваться готовыми запасами богатой природы. Промышленный духъ охватываетъ здѣсь русскаго человѣка въ поискахъ за богатствами. Сибирь, подобно другимъ колоніямъ, переживаетъ нѣсколько періодовъ самой лихорадочной погони за наживой.

Сначала промышленный людъ увлекался добычей цѣнныхъ мѣховъ, впоследствии — драгоцѣнныхъ металловъ. Добыча мѣховъ и вывозъ ихъ изъ Сибири былъ довольно оживленный, но въ концѣ эта усиленная эксплуатація отразилась истощеніемъ и истребленіемъ звѣря. Дѣвственные богатства въ Сибири прежняго времени были изумительны. Жители около Якутска, еще во времена Миллера, помнили какъ около жилищъ били соболей. На промышленника, ходившаго въ артели, приходилось по семи сороковъ соболей. На островахъ промыслы были еще богаче; въ 1760 году на островахъ Восточнаго океана добыто было по 108 бобровъ на cadaго работника, а по 50 и 60 добывалось въ обыкновенное время. Точно

такое же было изобиліе лисицъ, бѣлокъ, рысей, мараловъ, оленей, дикихъ козъ и всякаго другаго звѣря. Въ 1754 году, пишетъ авторъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“,—въ одной деревнѣ, около Нерчинска, въ 25 верстахъ, артелью изъ 25 человѣкъ въ одинъ день загнано было въ огородъ 4,027 дикихъ козъ—такова была добыча. Въ половинѣ прошлаго столѣтія енисейскій депутатъ Самойловъ, въ комисіи уложенія, при Екатеринѣ II, говорилъ о звѣроловствѣ, какъ объ основномъ предметѣ торговли; всѣ мѣстные капиталы были заняты имъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одинъ Китай сбывалось изъ Сибири до 8 милліоновъ бѣличьихъ шкуръ; въ 1836 году было вывезено только 4 милліона; въ 1837 г. — 2.900,000. Сбытъ бѣлки въ пятидесятихъ годахъ на Нижегородскую ярмарку не превышалъ трехъ милліоновъ. Въ результатѣ — какъ мы ни охраняли торговлю казенными монополіями и запрещеніями сбыта мѣховъ за границу, — цѣнный звѣрь былъ все-таки истребленъ.

Въ 1850 году на Ирбитскую ярмарку еще привозилось до 108.000 штукъ горностаевъ и 43,000 соболей, въ 1860 году только 56,000 первыхъ и 16,200 вторыхъ, въ 1870 году еще менѣе: 24,000 горностаевъ и 5,150 соболей. До чего пала мѣховая торговля въ Россіи видно, что въ 1874 году вывезено изъ Россіи мѣховъ на 2.250,000 руб., а привезено изъ-за границы на 6.000,000 руб. Академикъ Беръ доказывалъ еще въ 1838 году, что торговля свиной щетиной будетъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ пушной товаръ, и это вполне подтвердилось.

Періодъ звѣроловной Сибири кончился безвозвратно.

Съ тою же жадностію, съ какой пришлые люди нажились на звѣроловство, они сначала бросились-было на розысканіе горныхъ богатствъ.

Въ первое время трудно было поставить горное дѣло. Мѣстные познанія были въ этомъ отношеніи весьма слабы.

Иванъ Власовъ извѣщаетъ царя въ 1680 году: „а прислалъ онъ, Трошка, чистыя руды пять фунтовъ и того синяго камени уломокъ, которымъ та руда обыскана, а какая та руда и краска, въ какое дѣло годитца-ль, того мнѣ, холопу твоему, не по чемъ, потому что въ Селенгинскомъ, Баргузинскомъ и Иркутскомъ рудознатныхъ мастеровъ и красильщиковъ нѣтъ“.

Руды были открыты въ Сибири въ концѣ уже XVII столѣтія. Горное

дѣло особенно обращаетъ вниманіе на себя при Петрѣ. Въ 1700 году въ Тобольскѣ учрежденъ былъ уже оружейный заводъ. Въ 1714 году посланъ былъ въ Яркендъ Бухольцъ за поискомъ золота. Генераль-губернаторъ Гагаринъ мечтаетъ о золотѣ въ Бухарѣ. Въ 1726 году полагаетъ начало горному дѣлу въ Алтаѣ Акинфій Демидовъ. При императорѣ Петрѣ II дозволено всѣмъ безпрепятственно отыскивать и разрабатывать руду (въ 1727 г.). Но въ 1747 г. Алтайскіе заводы, съ открытіемъ серебра, были взяты по оцѣнкѣ въ казну и поступили въ распоряженіе кабинета. Прошрое столѣтіе казна дѣятельно заботится о созданіи казенныхъ заводовъ, и на развитіе горнаго дѣла возлагаются особые расчеты.

Изъ звѣроловческой колоніи мы вдругъ захотѣли сдѣлать Сибирь горнозаводской. Подъ вліяніемъ этой маніи тысячи крестьянъ на югѣ Сибири были приписаны къ казеннымъ заводамъ. Это были своего рода крѣпостные до 19 февраля, обязанные тяжелой повинностью доставлять руду, обжигать уголь и т. д.; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сибирская администрація старалась развитъ и поднять горное и рудничное производство посредствомъ дарового и подневольнаго труда преступниковъ. Несмотря на всѣ искусственныя мѣры, на всѣ усилія, однако Сибирь продовольствовалась металлическими произведеніями Урала изъ той же Европейской Россіи. Общая цѣнность годовой добычи всѣхъ металловъ равнялась для Россіи въ сороковыхъ годахъ 55.000,000 руб.; при этомъ съ заводовъ Уральскаго хребта получалось 45.000,000 руб., а съ сибирскихъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ около 5 милліоновъ, и, наконецъ, съ нерчинскихъ—2 милліона рублей. Всего же добывалось въ Сибири не болѣе, какъ на восемь милліоновъ рублей. Нерчинскіе и Колывано-Воскресенскіе заводы, поддерживаемые правительствомъ со времени Петра, стоившіе ему миліонныхъ затратъ, подъ конецъ приносили казнѣ только убытки. Упадокъ Алтайскихъ заводовъ доказывается нынѣ уменьшеніемъ добычи металловъ. Въ 1851 г., по свѣдѣніямъ Гагемейстера („Историч. Статист. Обзорѣніе), въ Алтайскомъ горномъ округѣ добывалось до 40 пуд. серебрястаго золота, 22,152 золотистаго серебра и 250,075 пуд. мѣди. Нынѣ паденіе производительности рисуется слѣдующими цифрами:

Года:	ЗОЛОТА				СЕРЕБРА			СВИНЦА		МѢДИ		ЧУГУНА	
	п.	ф.	з.	д.	п.	ф.	з.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.
1871	18	19	—	21	845	36	32	61,198	31	32,953	28	14,070	—
1872	19	32	7	—	682	14	28	51,445	18	25,737	29	35,675	20
1873	29	6	78	85	611	6	15	30,627	7	38,516	32	51,858	20
1874	29	29	64	58	608	26	66	35,255	11	42,036	14	30,000	—
1875	33	10	88	63	593	15	59	40,085	20	39,590	21	30,000	—
1876	11	8	52	42	616	15	93	30,497	—	32,645	—	30,000	—
1877	11	24	95	84	616	—	53	30,476	—	28,700	—	30,000	—
1878	10	32	—	—	613	3	—	59,388	20	26,678	—	17,174	—
1879	29	25	12	—	561	32	—	28,290	7	28,690	—	36,000	—

Статистическій Обзоръ о состояніи Западной Сибири съ 1874 по 1878 годъ, приложенный къ Западно-Сибирскому Адресъ-Календарю на 1879 годъ, составленному на основаніи официальныхъ отчетовъ, свидѣтельствуется: „Казенная предпріимчивость по разработкѣ золота, говоритъ упомянутое Обозрѣніе, въ Западной Сибири идетъ не особенно быстро впередъ. На Алтайскихъ горныхъ заводахъ она въ послѣдніе два года уменьшилась съ 33 пуд. на 11, т. е. на 300⁰/о; добыча серебра понизилась на 35⁰/о. За то, при сравненіи частной золотопромышленности, видно ея превосходство. Въ Томской губерніи намыто на промыслахъ въ 7 лѣтъ 857 пуд. 2 фун. 16 зол., т. е. по 122 пуда въ годъ. По всей же Западной Сибири намыто на частныхъ промыслахъ золота въ теченіи 7 лѣтъ 911 пуд. 33 фун. 66 золот. 75 долей. Слѣдовательно частные промыслы дали въ 6 разъ болѣе въ сравненіи съ казенными заводами“. Уменьшеніе горной и заводской производительности на Алтаѣ обнаружилось въ закрытіи нѣкоторыхъ заводовъ, какъ Томскаго, въ сокращеніи работъ въ Змѣиногорскомъ рудникѣ и уменьшеніи добычи рудъ въ Зыряновскомъ рудникѣ, а именно: въ 1864 году здѣсь добывалось 1.267,000 пудовъ рудъ и 1,283 пуда серебра; въ 1878 году рудъ 740,000 пудовъ и серебра 518 пудовъ. Доказанный и обнаруженный нераціональный способъ казеннаго хозяйства въ Алтаѣ, сопряженный съ значительными злоупотребленіями, вызываетъ нынѣ необходимость передачи заводовъ и разработку металловъ въ частныя руки. Поэтому въ области казеннаго кабинета хозяйства предвидятся серьезныя преобразованія.

Вслѣдъ за тѣмъ самую видную роль въ разработкѣ сибирскихъ богатствъ, конечно, играло золото. По истребленіи звѣроловныхъ

богатствъ, при неудавшейся горнозаводской промышленности, мы обратили вниманіе на золото. Слухи о баснословныхъ богатствахъ привели сюда толпы искателей приключеній. Во времена золото-промышленности воскресла прежняя, давно уснувшая, предпріимчивость и началась алчная погоня за наживой. Невѣдомыя моря и пустыни замѣняетъ теперь сибирская тайга, т. е. дѣвственные лѣса, раскинутые на тысячи верстъ. Сибирь начинаетъ играть для Россіи роль Калифорніи; сначала шло постепенное возвышеніе добычи золота: въ 1830 году частная золотопромышленность вырабатывала только 4 пуда 22 фунта драгоцѣннаго металла; въ 1836 году она достигла 84 пудовъ; въ 1837 году — 106 пудовъ; въ 1842 году — 575 пудовъ; въ 1846 году — 1,238 пудовъ; въ 1847 году — 1,370 пудовъ. Затѣмъ добыча стала падать на 1,200, на 1,100 пудовъ, а въ 1852 году было извлечено только 900 пуд.¹⁾ Въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ слышатся уже жалобы и плачъ на истощеніе золота; оказалось, что приемы нашей разработки золотыхъ рудъ были такіе же хищническіе, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Трудно сказать какую услугу оказала золотопромышленность культурѣ Сибири. Самый существенный недостатокъ, что около приисковъ не было поселеній.

Золотопромышленность прошла какъ ураганъ по Томской и Енисейской губерніямъ и теперь совершаетъ подвиги на Олекмѣ, за Байкаломъ и на Амурѣ. На мѣстахъ брошенныхъ приисковъ шумятъ лѣса и нѣтъ даже признаковъ человѣческаго жилья. Въ сибирскихъ городахъ золотопромышленность не ставила никакихъ замѣтныхъ памятниковъ. Кромѣ того, золотопромышленность имѣла тѣ невыгодныя послѣдствія, что породила абсентеизмъ. Многіе являлись въ Сибирь временно, наѣздомъ, и, разбогатѣвъ въ ней, уезжали изъ нея свои богатства и бѣжали сами. Точно также золотопромышленность не оставила и слѣда благосостоянія въ мѣстномъ крестьянствѣ. При прежней системѣ золотопромышленности, населеніе обольщалось задатками, а рабочіе снаивались при входѣ

¹⁾ Въ 1879 г. на частныхъ приискахъ всей Томской губерніи добыто золота 163 пуд. 34 фун. 9 зол. 55 дол., въ Акмолинской Области всего 26 фун. 1 зол. 48 дол., въ Семипалатинской — 9 пуд. 16 фун. 42 зол. 74 дол.

и выходѣ съ пріисковъ; отъ этого явилось нелишенное основаніе мнѣніе, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка. Говорятъ, что золотопромышленность подняла заработки и дала возможность крестьянину возвысить цѣны на земледѣльческіе продукты, но если мы допустимъ даже, что цѣны на земледѣльческія произведенія и повысились, то не надо забывать и того, что крестьянинъ платитъ и теперь за все покупаемое гораздо дороже; что онъ прежде находилъ у себя дома, то теперь пріобрѣтаетъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ кулака. Золотопромышленность подавила всѣ мелкія ремесла и отвлекла занимавшихся ими прежде поселенцевъ на пріиски; она же отвлекла руки отъ земледѣлія и, послѣ того, какъ золотопромышленная горячка проходитъ, населеніе снова начинаетъ обращаться къ культурной работѣ, земледѣлію и промысламъ. Замѣчательно, что горные округа нынѣ ¹⁾ сдѣлались земледѣльческими, принося гораздо болѣе выгодъ.

Вывозъ сырья и скотоводческихъ продуктовъ составляетъ послѣднюю форму экономической эксплуатаціи.

Сибирское хозяйство съиздавна состоитъ въ вывозѣ сырыхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Если мы взглянемъ на Ирбитскую, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, онѣ намъ обрисуютъ, что производитъ Сибирь и что сбывается. Такъ, на Ишимской ярмаркѣ мы видимъ главные предметы сибирскаго торга: *сырцовое сало* изъ киргизской степи, съ ишимскихъ, ялutorовскихъ и курганскихъ салотопенъ, съ 500,000 барановъ. *Свиное сало*: свиньи въ Ишимѣ даже нарочно откармливаются хлѣбомъ: такъ, въ 1860 году, въ Курганѣ откармливались 7,200 свиней, на которыхъ пошло 144,000 пудовъ хлѣба. Далѣе, *коровье масло*: до 60,000 пудовъ его идетъ, черезъ Таганрогъ, въ Константинополь. *Кожі, щетина, пушнина, дикая птица*, какъ и *домашняя*, составляютъ предметъ сбыта. Въ Ишимѣ гуси откармливаются для сала по 200 штукъ; далѣе — *рыба, скотъ*, все это вывозится, а въ замѣнъ получается мануфактура. Здѣсь мы видимъ уральское желѣзо, костромскіе и ярославскіе ситцы, нижнетагильскіе сундуки, чердынскія точила, шадринскіе пряники и деревянныя издѣлія изъ Тагила, Нижняго и т. д.

¹⁾ Таковы Алтай и Забайкалье.

Сущность производительности Сибири и характеръ ея обмѣна состоятъ въ сбытѣ собственныхъ сырыхъ продуктовъ и приобрѣтеніи всего, до мельчайшихъ потребностей хозяйства, привознаго изъ Европейской Россіи.

„Мануфактура въ Сибири вся раскупается. Несмотря на обманы, на запрашиванье при торгѣ, ситцы крестьяне просто захватываютъ, пишетъ г. Смоленскій,—то же и съ желѣзомъ. Сибирь любитъ страшно мануфактуру. Сибирскій крестьянинъ ходитъ щеголевато и любитъ ситцы, сапоги, сукно и прочее.

При отсутствіи собственной производительности, естественно, создавалась экономическая зависимость края въ сферѣ торговли, которая повліяла на весь складъ экономической жизни населенія. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на исторію экономическихъ сношеній Сибири. Съ издавна этотъ край обреченъ пользоваться всеѣмъ привознымъ. Первымъ экономическимъ вопросомъ въ Сибири, по завоеваніи ея, явилось снабженіе края необходимымъ продовольствіемъ. Сибирь, населенная пришлыми людьми, „людьми гулящими“, авантюристами, бродягами, звѣровщиками, промышленниками, требовала обезпеченія во всемъ. Правительство должно было заботиться о продовольствіи населенія и привозило хлѣбъ сюда. Впослѣдствіи, снабженіемъ края товарами занялось купечество, но сношенія съ новымъ краемъ были затруднительны. Торговля сношенія Сибири съ ея метрополіей, Москвой, производились только разъ въ годъ. Сообщенія совершались по рѣкамъ, товары сплавлялись на дощаникахъ, черезъ волоки тащились нартами людьми, купцы иногда зимовали, операція торговли была медленная; поэтому только рѣдкіе купцы проникали въ Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при безлюдьи и отсутствіи конкуренціи. Товары и припасы, привозимые монополистомъ, продавались по необыкновенно высокой цѣнѣ и покупатель былъ въ полномъ его распоряженіи.

Изъ исторіи торговли на Востокѣ извѣстно слѣдующее. Уже далеко до прошлаго столѣтія начался ввозъ въ Сибирь и Азію русскихъ товаровъ. Въ Верхотурьѣ стояла тогда таможня, гдѣ бралась пошлина съ товаровъ. Пошлина бралась и съ товаровъ, и съ денегъ, привозимыхъ сюда. „А ежели бы съ денегъ пошлины не было, объясняли тогдашнія правила:—то бы мало въ Сибирь

россійскихъ товаровъ возили и больше ѣздили бы съ одними деньгами“ (Изв. о торгахъ сибирск. Миллера. 1735 г.).

Сибирь въ это время во всемъ нуждалась; уже Миллеръ описываетъ, какъ сбытъ товаровъ былъ значителенъ. „Въ Сибирь идутъ шелковые и шерстяные штофы и парчицы русскихъ фабрикъ, цѣвочное золото и серебро, золотые и серебряные позументы и сѣтка русскихъ фабрикъ, которыхъ въ сибирскомъ торгу больше употребляется чѣмъ чужестранныхъ, для того, что купцамъ дешевле становится, а сибирскіе жители о добротѣ оныхъ въ тонкости разсуждать не знаютъ“. Въ Сибирь привозились и жестью обитые баулы, и стекло, и мѣдная посуда, и вина. Миллеръ сообщаетъ интересныя цѣны этого времени. „Въ Ирбити и Тобольскѣ разница небольшая, говоритъ онъ:—ежели тамъ четвертою частію болѣе покупаемой цѣны товаровъ продать можно, то купецъ доволенъ“. Въ Енисейскѣ нѣкоторые товары поднимаются въ двойной цѣнѣ, въ Иркутскѣ — въ тройной и четверной и выше цѣнѣ. Сахаръ стоитъ въ Ирбити 5 р. пудъ, въ Тобольскѣ—7 руб., въ Енисейскѣ — 10 руб., въ Иркутскѣ — 20 руб., въ Якутскѣ — иногда 40 руб. Красное вино стоило въ Архангельскѣ 1 р. ведро, въ Ирбити—2 и 3 руб.; въ Сибири его продавали въ 20 и 40 руб. Миллеръ упоминаетъ о начавшей развиваться, въ половинѣ прошлаго столѣтія, заводской промышленности въ Сибири; онъ говоритъ, что желѣзо стало выходить изъ Сибири и что „со временемъ имъ можно будетъ не только Сибирь всю удовольствовать, но и употреблять его не малое количество въ россійскіе и заморскіе торги“. То же говоритъ про стеклянные заводы: „и симъ товаромъ отъ себя Сибирь довольствоваться будетъ“. Но все это не оправдалось, заводы въ Сибири падали. За то Азія начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарскіе караваны привозили изъ Джунгаріи бумажныя ткани, цвѣтныя, подъ именемъ иркетчины; Китай привозилъ дабы, шелкъ; изъ Россіи же везли холстъ и крашенину. Поэтому, азіатскіе товары стали вытѣснять русскій миткаль и холстинку; они наводнили Сибирь и приучили населеніе къ среднеазіатской мануфактурѣ. Русской мануфактурѣ трудно было соперничать. Въ это время, пишетъ Радищевъ, почти вся Сибирь ходила въ бѣльѣ и платьяхъ изъ бухарскихъ и китайскихъ тканей; жители ходили въ

дабовыхъ и фанзовыхъ рубахахъ; голь—шелковая китайская матерія—была распространена по всей Сибири; въ нее наряжались солдаты и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, обшитые позументами; въ сибирскихъ канцеляріяхъ употреблялась китайская тушь вмѣсто чернилъ (О карав. торговлѣ съ Джунгаріей и Бухаріей. Чтен. Моск. Общ. Древн. и Истор.). Бухарскіе купцы, при своей ловкости, даже взялись за торговлю русскими товарами. Но русскіе купцы начали жалобы, указывали на льготы бухарцамъ, и свободная торговля съ Азіей была прекращена. Бухарцамъ не приказано было являться въ Россію. Въ 1800 году тарифъ прекратилъ и китайскій ввозъ. Онъ имѣлъ въ виду, чтобы русскіе товары были повышаемы въ цѣнѣ, а китайскіе — понижаемы. Тарифъ 1824 г. уничтожилъ всякую конкуренцію иностраннаго товара. Граница была замкнута. Китайскіе и бухарскіе шелкъ и фанза исчезли, а ихъ замѣнилъ миткаль, крашенина. Замкнутая со всѣхъ сторонъ Сибирь въ это-то время получала только товары съ русскихъ фабрикъ черезъ Ирбитъ. Въ 1832 и 1833 годахъ, по словамъ Словцова, пріобрѣталось Сибирью 35.752,980 руб., по 15 и 20 милліоновъ въ годъ російскихъ товаровъ. Московскіе, костромскіе, владимірскіе фабриканты въ это время были обезпечены отъ конкуренціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія и 30-хъ годовъ, опять-было возникала кое-какая своя промышленность въ Сибири, напримѣръ, желѣзная, но ее парализовала золотопромышленность. Потребности, между тѣмъ, на Востокѣ росли. Разсматривая ввозъ въ Сибирь товаровъ, мы видимъ, что она ничего не дѣлала своего; до послѣдняго времени желѣзо шло съ Урала, сукна, ситцы изъ Костромы Москвы, желѣзо изъ Иванова; она получаетъ и хрупкую посуду изъ Москвы, точила изъ Чердыни, дуги и деревянныя издѣлія изъ шадринскаго заведенія Чеканова; ложки привозятся семеновскія Нижегородской губерніи, даже пряники. Къ характеристикѣ торгова въ Сибири служатъ слѣдующія слова секретаря тобольскаго статистическаго комитета, Смоленскаго, по поводу ярмарокъ: „Мануфактура русская идетъ для Восточной Сибири изъ Нижегородской ярмарки, для Западной — съ Ирбитской. Сибирскіе купцы берутъ въ кредитъ, и потому товаръ всегда залежавшійся; особенно много дурнаго товара на мелкихъ торжкахъ Тобольской губерніи. Вязниковцы ѣздятъ дешево и кормятся даромъ: наивные сибиряки

принимаютъ ихъ, какъ странниковъ. Обманы, запрашиванье постоянно въ ходу, но мануфактуры на расхватъ“ (Смоленскій, Ишимская ярмарка, „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1857 г.). Въ примѣръ товаровъ, тотъ же секретарь статистическаго комитета приводитъ, что варенье, напримѣръ, привозятъ паточное, а продаютъ за сахарное въ Сибири; берутъ за него по 7 руб. пудъ, когда оно въ Нижнемъ 4 руб., его одного продается на 70,000 руб. (?) на одной ярмаркѣ. Бакалейщики говорятъ, что они получаютъ по 35 и 50 процентовъ на рубль. Ирбитская мануфактура вошла въ поговорку: „Никуда не годно, такъ въ Сибирь“, говорятъ фабриканты. Г. Овсянниковъ, въ изслѣдованіи о сибирскомъ транзитѣ на Нижегородской ярмаркѣ, свидѣтельствуется: „Самые важные изъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь—мануфактурные товары—создаются въ московскомъ и при-окскомъ районахъ, и если выдаются въ Сибири за заграничные и петербургскіе, то только для прикрасы. Между тѣмъ, иностранные товары въ Сибирь не попадаютъ. Табакъ, сахаръ, сласти идутъ съ юга, вина—изъ Кизляра и Моздока, или *внутренней фабрикаціи*—изъ Москвы“ („Нижегор. Сборникъ“, т. IV, 1871 г., стр. 53).

При дороговизнѣ мануфактуры, за нее идутъ за безцѣнокъ и продукты скотоводческіе и земледѣльческіе. Хлѣбъ, въ 1859 году, на Ишимской ярмаркѣ продавался по 15 и 16 коп.; урожай давалъ самъ-16 (Смоленскій); промышленники скупали коровье масло по 3 руб. 40 коп. пудъ; пудъ сала и кожи стоили 2 руб. Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ татаринъ въ Акмолинскѣ покупалъ барановъ, получая 20,000 тушекъ и 19,000 пуд. сала; сало продавалъ, тушки отдавалъ киргизамъ въ долгъ, съ обязательствомъ въ слѣдующемъ году уплатить цѣлымъ бараномъ. Хлѣбъ въ Сибири некуда дѣвать.

Такимъ образомъ, сырые сибирскіе продукты покупаются по самой низкой цѣнѣ, почти за безцѣнокъ, а привозные—въ тридорога. Значительная часть крестьянъ не можетъ пріобрѣсти самой необходимой мануфактуры при ея дороговизнѣ. На этомъ основывается экономическая зависимость Сибири до послѣдняго времени.

Для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ могла бы служить мѣстная обрабатывающая промышленность. Обиліе животныхъ, растительныхъ и минеральныхъ произведеній, кажется должно было бы создать здѣсь заводскую и богатую кустарную промышленность. Не даромъ ее предсказываетъ Миллеръ. Къ сожалѣнію обрабаты-

вающая и заводская производительность Сибири стоит ниже всѣхъ отраслей хозяйства и даетъ самые ничтожные итоги.

Въ то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляютъ не менѣе какъ на 60.000,000 руб. привозныхъ заводскихъ товаровъ и мануфактуръ, судя по оборотамъ ярмарокъ (на одной Ирбитской ярмаркѣ сбывалось недавно для Сибири мануфактуръ на 23.179,000 руб., и на 30 милліоновъ на Нижегородской), мѣстная заводская промышленность недавно производила на 6.377,857 руб. (Военно-Статистическій Сборникъ ч. I). По подробнымъ, собраннымъ нами изъ разныхъ отчетовъ свѣдѣніямъ въ 1873 году, оказалось, что въ Сибири было 1,262 разныхъ заводовъ и крупныхъ заведеній, которые производили на 15.347,293 руб. заводскихъ продуктовъ; но надо принять во вниманіе, что здѣсь весьма видную роль играло винокуренье (а именно 8.627,300 р.). По свѣдѣніямъ съ 1879 по 1880 годъ, заводская промышленность Западной Сибири достигала оборота въ губерніяхъ и областяхъ всего 10.501.038 руб. Цифра эта показываетъ, какую ничтожную часть занимаютъ мѣстныя произведенія въ пріобрѣтаемыхъ мануфактурахъ. Надо замѣтить, что въ большинствѣ мѣстная промышленность довольствуется простою обработкою сырыхъ продуктовъ. Если мы выдѣлимъ винокуренье, то увидимъ, что въ общемъ числѣ заводовъ и фабрикъ въ Западной Сибири играютъ роль, главнымъ образомъ, кожевенные заводы, составляя 30,22⁰/_о, а по суммѣ производства 22,88⁰/_о. Салотопенные заводы составляютъ 17,6⁰/_о всѣхъ заводскихъ оборотовъ. Что касается высшихъ производствъ, то они почти не зарождались въ Сибири. Въ Западной Сибири, напримѣръ, до 1880 года основалась одна суконная фабрика, выдѣлывающая, въ этомъ отечествѣ шерсти, грубая сукна на 193,446 руб.; въ краѣ, гдѣ находятся неистощимые рудники и богатство металловъ, на всю Сибирь 3 желѣзныхъ завода и въ Западной части 3 чугунно-литейныхъ заведенія, съ оборотомъ въ 138,750 р. Ничтожность заводской промышленности въ краѣ доказывается въ добавокъ тѣмъ, что изъ 3.219,193 душъ населенія Западной Сибири въ 1879 г. занято было на мѣстныхъ заводахъ всего 10,109 человекъ¹⁾. Не малую услугу краю и даже бѣольшую,

¹⁾ „Памятная Книжка Западной Сибири“ 1881 г. Изслѣдованія Павлова-Сильванскаго о промышленности Сибири съ 1868—1876 г.

чѣмъ крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная промышленность, зачатки которой уже съиздавна появились въ Сибири; эта промышленность до сихъ поръ для крестьянства замѣняла мануфактуру, она поддерживается въ послѣднее время притокомъ ремесленниковъ и переселенцевъ изъ Россіи ¹⁾, къ сожалѣнію настоящее значеніе ея еще вполне не оцѣнено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять экономическія силы Сибири развитіемъ въ ней мѣстныхъ производствъ. Такъ, въ 1835 году, министръ финансовъ Канкринъ пробовалъ обратить вниманіе на развитіе промышленности въ Сибири, предписывая мѣстнымъ начальникамъ добыть отъ мѣстныхъ промышленниковъ свѣдѣнія о томъ, какія производства могли бы развиваться въ краѣ, и что до сихъ поръ мѣшало ихъ развитію. Изъ переписки оказывалось, что въ Тобольской губерніи могли быть развиты различныя производства; Курганскій округъ изобилуетъ скотоводствомъ, въ немъ произрастаетъ свекловица и питательныя травы, а поэтому можно бы устроить: а) выдѣлку свекловичнаго сахара, патоки и рафинированнаго; б) стеариновое производство; в) выдѣлку крупъ и крупчатой муки; г) обработку поярковыхъ и пуховыхъ шляпъ; можно бы увеличить кожевенные заводы съ выдѣлкою на нихъ клея; е) развести мериносовыхъ овецъ и пчеловодство. Въ Туринскѣ замѣчательны ремесла кузнечное, слесарное и выдѣлка холста, которыя могли бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и слабое развитіе ея объясняются, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣтъ знающихъ капиталистовъ для заведенія фабрикъ, а купечество предпочитаетъ свои спекулятивные обороты; во-вторыхъ, нѣтъ мастеровъ для мануфактурнаго дѣла, доказательствомъ чего приводится фабрика Медвѣдева, которая могла возникнуть только тогда, когда вызваны были мастера изъ Россіи (Донесеніе общаго губ. правленія генер.-губерн. Западн. Сибири отъ 24 апрѣля 1835 г.). Точно тоже дало въ своемъ отвѣтѣ и томское начальство. Приглашенные для собранія свѣдѣній купцы отвѣтили: „заводовъ, фабрикъ, а также и какихъ либо промышленныхъ заведеній заводить потому не могутъ, что въ Сибири не имѣется необходимыхъ мастеровъ“. Для поощренія сибирской про-

¹⁾ См. „Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ“. Ядринцева. „Русская Мысль“ 1881 г.

мышленности въ 1839 году, 11 сентября, утвержденъ былъ, наконецъ, указъ о раздачѣ даромъ земель въ Сибири подъ фабрики и заводы (Архивъ главнаго управленія Западной Сибири, д. № 2147). Но поощреніе это не привело ни къ чему, потому что однѣхъ земель было мало: нужны были техническое образованіе, умѣнье взяться за промышленное предпріятіе, опытные рабочія руки и, наконецъ, пониманіе экономическихъ нуждъ края.

Что касается развитія городскихъ центровъ, то мы находимъ по этому поводу матеріалъ въ изданіи Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ Сибири нынѣ 4 губерніи, 6 областей съ 60 городами. Самые значительные города обладаютъ населеніемъ въ 33,000 жит., въ 4 городахъ отъ 15 до 20,000, въ остальныхъ еще менѣе. Есть города, которые не вышли еще изъ типа селъ, наконецъ города съ 150 и 180 жит. Самый промышленный городъ Тюмень, съ 118 заводами, производитъ на 1,448,000 руб. заводскихъ продуктовъ, затѣмъ Иркутскъ съ 47 заводами, выдѣлывающими на 960,000 руб. произведеній. Самая промышленная губернія Тобольская. Всѣхъ жителей въ городахъ 321,381, изъ нихъ инородцевъ 15,594, фабрикъ въ городахъ 898 и сумма производства равна 5.449,200 руб. Вся промышленность Сибири раздѣляется нынѣ по характеру: 1) на охотничью и рыболовную, 2) на земледѣльческую 3) культурную, ремесленную и 4) горнозаводскую и приисковую.

Охотничья и рыболовная промышленность свойственна болѣе инородцамъ, у русскаго населенія она отступила нынѣ на задній планъ и составляетъ побочный промыселъ. Въ горнозаводской и приисковой промышленности мы видимъ паденіе, регрессъ, въ то же самое время послѣднія напряженія къ поддержанію ея въ видахъ обольстительности промысла.

Въ заводской и технической промышленности мы замѣчаемъ весьма слабый прогрессъ съ прошлаго столѣтія. Если мы припомнимъ, что многіе промыслы, какъ оружейное дѣло, начинались въ Сибири въ прошломъ столѣтіи, желѣзное дѣло процвѣтало въ Енисейской губерніи до 30-хъ годовъ, а теперь пало; если припомнимъ, что стеклянному дѣлу положено начало въ 1749 г., а въ 1760 г. въ зап. Сибири была устроена писчебумажная фабрика, и если сообразимъ, что многія изъ этихъ начинаній исчезли безслѣдно,

мы поймемъ, что возникновеніе промышленности идетъ весьма туго. Кустарные промыслы сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ Сибири, но значеніе ихъ не можетъ сравниться съ кустарными промыслами европейской Россіи, они ждутъ еще своего развитія. За то въ распространеніи земледѣльческой культуры мы видимъ наибольшіе успѣхи.

Этой культурѣ Сибирь исключительно обязана своей осѣдлостью и гражданскимъ развитіемъ.

Земледѣльцы — претворили чуждую страну въ русскую землю, дѣвственную ея природу подчинили волѣ человѣка, занявъ сплошь средину страны, устроивъ въ ней все то, что нужно для постоянной жизни и дѣятельности всѣхъ классовъ населенія.

Такимъ образомъ русское населеніе Сибири представляется въ настоящее время въ *двухъ типахъ*, рѣзко различающихся между собою по мѣсту жительства, роду занятій, правамъ. Одинъ изъ нихъ — самый многочисленный — земледѣльцы и другой — люди промышленнаго закала. Первые живутъ массами, занимая сплошь цѣлую мѣстность Сибири, вторые размѣстились по городамъ и ютятся въ селахъ, или, говоря опредѣленнѣе, въ торгово-промышленныхъ мѣстечкахъ, около золотопромышленныхъ мѣстностей, раскиданныхъ въ свою очередь тутъ и тамъ на громадномъ пространствѣ Сибири.

Сплошныя массы русскаго населенія мы видимъ тамъ, гдѣ не только мало инородцевъ, но *гдѣ нѣтъ и золотыхъ приисковъ*, гдѣ слѣдовательно промыселъ русскихъ составляетъ *земледѣліе*.

Напротивъ, гдѣ русскіе *раскиданы*, тамъ мы встрѣчаемъ или *звѣриные промыслы или золотосодержащія розсыпи*, гдѣ водворились трудолюбивые крестьяне и земледѣліе, мы тамъ видимъ осѣдлость, зачатки ремесла и промышленности и зачатки благосостоянія. Гдѣ господствовалъ звѣроловный промыселъ и золотопромышленность, тамъ видимъ доселѣ пустыни и опустошеніе. Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ проложены дороги и облегчены пути сообщенія. Промышленникъ не заботится объ этомъ и двигается по тропамъ. На этой земледѣльческой культурѣ въ будущемъ должно созидаться развитіе жизни, она должна послужить базисомъ для дальнѣйшей промышленности. Всѣ неуспѣхи нашей торговли на Востокъ, слабое движеніе промышленности и крушеніе многихъ

обширныхъ предпріятій объясняется тѣмъ, что мы предварительно пренебрегали фундаментальной земледѣльской культурой, или еще не окрѣпли въ ней.

По условіямъ жизни Сибирь представляетъ колонію подобную Америкѣ и Австраліи.

Въ развитіи этой колоніи мы видимъ тѣже фазисы развитія, какіе свойственны колоніямъ. Вообще все вниманіе сосредоточено было въ началѣ на завоеваніе инородцевъ, затѣмъ на эксплуатацію частныхъ богатствъ, мѣховъ, золота. Это былъ періодъ лихорадочной, промышленной экономической дѣятельности, не могущій быть долговременнымъ.

За тѣмъ только наступилъ ростъ земледѣльской и промышленный культурный. Жизнь этой страны начинается какъ во всѣхъ колоніяхъ съ искусственной колонизаціи, казенной, военной, ссыльной и только позднѣе въ ней преобладаетъ вольная земледѣльская колонизація.

Какъ военная колонія, она въ первое время рынокъ сырья, всѣ богатства ея предназначаются для вывоза и только постепенно съ увеличивающимся населеніемъ является мысль о созданіи здѣсь промышленности.

Рынокъ для покупки сырья и рынокъ для сбыта мануфактуры—всегдашняя торговая политика по отношенію къ колоніямъ. Англія весьма долго практиковала ее. У насъ можетъ возникнуть вопросъ слѣдуетъ-ли практиковать ее по отношенію къ нашимъ русскимъ владѣніямъ. Намъ кажется, что наше отношеніе къ русскому Востоку должно быть нѣсколько иное, чѣмъ у Англіи къ своимъ колоніямъ. Англія, отказавшись отъ Америки, предоставивъ Новой Голландіи и Канадѣ имѣть свои внутренніе бюджеты, оставила за собой торговую эксплуатацію. Она разсматриваетъ свои колоніи, какъ государства. У насъ положеніе дѣлъ иное. Едвали мы можемъ къ своимъ областямъ на Востокѣ относиться какъ къ чужеземной непріятельской странѣ.

Наша цѣль должна быть не вывозъ, не одно опустошеніе страны отъ ея богатствъ и запасовъ, а развитіе ея внутреннихъ экономическихъ силъ, содѣйствіе благосостоянію ея мѣстнаго населенія. Если мы оставимъ Востокъ рѣдко населеннымъ, если вывеземъ богатство, если истощимъ его, если населеніе здѣсь будетъ страдать

отъ нищеты, въ какомъ положеніи будутъ наши владѣнія? Иное дѣло, если населеніе здѣсь разростется, если мы дадимъ окрѣпнуть здѣсь промышленности. Такимъ образомъ снабженіе населеніемъ, развитіе земледѣльческой культуры и созданіе промысловъ въ Сибири должно составить цѣль нашей ближайшей государственной экономической политики. Не эксплуатацію мѣстнаго населенія путемъ фабричнаго продукта должно избрать здѣсь для обезпеченія своихъ выгодъ, но созданіе промышленныхъ центровъ въ самой Сибири для вліянія на сосѣднія народности. Только такимъ путемъ созрѣетъ наше экономическое и политическое могущество на Востокѣ.

Въ наступающій культурный періодъ исторіи въ этомъ должны состоять наши задачи.

Историческій опытъ доказалъ, что край этотъ можетъ считаться гражданской страной. Для земледѣльческой культуры на Востокѣ сложились особенно благопріятныя условія. Просторъ, богатая дѣятельная почва и дешевизна земли, возможность всякому пользованія ею, отсутствіе торговли землею, вотъ что благопріятствовало расширенію культуры и прочному хозяйственному складу въ условіяхъ общихъ но—бытовой крестьянской жизни. Эта свобода пользованія землей отличаетъ Сибирь отъ всѣхъ другихъ колоній. Право каждаго нуждающагося земледѣльца найти пріютъ на свободныхъ земляхъ русскаго Востока, есть драгоцѣннѣйшее право и залогъ будущаго преуспѣянія нашихъ владѣній. Поэтому вопросы экономической жизни на Востокѣ должны разсматриваться съ точки зрѣнія интересовъ русскаго земледѣльческаго населенія.

Облегченіе путей сообщенія въ краѣ и соединеніе Запада съ Востокомъ составляетъ въ настоящую минуту предметъ особаго вниманія общества и Правительства.

Въ этомъ отношеніи съ точки зрѣнія культурныхъ цѣлей облегченію внутреннихъ сообщеній должно быть отдано предпочтеніе передъ внѣшними. Сибирь на огромныхъ пространствахъ оставалась разъединенной внутри, какъ и внѣ. Огромное пространство и континентальное положеніе ея мѣшали внутренней циркуляціи. Но тѣмъ не менѣе положеніе края даже при его физической природѣ не является безнадежнымъ. Обширные бассейны рѣкъ Оби, Енисея, Лены, Амура, сплетающіеся и приближающіеся притоками, подавали мысль съ давняго времери о ихъ соединеніи. Мысль эта на-

чинаеть осуществляться. Тюменско-уральская желѣзная дорога соединить два бассейна: Волги и Оби. Обскій бассейнъ уже рѣшено соединить каналомъ съ Енисейскимъ по проекту капитана Сиденсера и Аминова. Расчистка пороговъ Ангарты откроеть путь до Иркутска, и—тогда останется соединеніе Амурскаго бассейна, чтобы водный путь связалъ Востокъ и Западъ до Восточнаго океана.

Проведеніе паровыхъ путей и желѣзной дороги черезъ всю Сибирь можетъ казаться въ настоящую минуту преждевременнымъ, но мы не можемъ не предугадывать ихъ и имѣть въ виду. Проходя съ Запада на Востокъ они, конечно, должны послужить сообщеніемъ наиболѣе населенныхъ мѣстъ Сибири, удовлетворяя прежде всего нуждамъ края и содѣйствуя его объединенію. Намъ извѣстно нѣсколько проектовъ желѣзной дороги черезъ Уралъ, но они касаются болѣе направленій дороги до Урала.

Весь вопросъ пока сводится къ тому, какую часть областей внутренней Россіи соединить съ Востокомъ; здѣсь можетъ быть нѣсколько лагерей, но вопросъ все таки не будетъ касаться еще направленія собственно дороги сибирской или пролегающей черезъ Сибирь.

Обсужденіе вопроса о Сибирской дорогѣ отъ Тюмени или Оренбурга въ глубь Сибири потребуетъ можетъ быть болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

У насъ весьма много говорилось о значеніи желѣзной дороги для вывоза изъ Сибири ея богатствъ, но весьма мало приходилось слышать о значеніи сибирской желѣзной дороги для развитія культуры и заселенія Востока. А это значеніе не можетъ быть упущено.

Несомнѣнно, что та же дорога будетъ имѣть и международное значеніе, такъ какъ отъ главной линіи ея протянутся вѣтви къ Туркестану и къ Пекину. Такіе пути, положивъ начало международнымъ отношеніямъ въ Азіи, конечно, будутъ имѣть вліяніе на измѣненіе будущности народовъ азіатскаго континента.

Изъ внутреннихъ путей обращаютъ на себя вниманіе пути сообщенія на югъ черезъ китайскую границу. Послѣ кяхтинскихъ путей наши сношенія расширяются, особенно на западной границѣ Сибири. На югѣ Томской и Енисейской губерній устраиваются постоянныя сношенія, а Монголія пріобрѣтетъ особенную важность.

Наши географическія экспедиціи все болѣе открываютъ эту страну для торговли. Караваны Бійскихъ кушцовъ проникли до Куку-хото.

На Западной китайской границѣ намѣченъ уже путь русской торговли чрезъ Кошъ-Агачъ. Разработка его составляетъ настоятельную потребность торговли.¹⁾

Екатеринбургско-тюменская линія есть начало такого конца, о которомъ стоитъ подумать. На Тюмени линія эта не остановится и остановиться не можетъ: рано или поздно, но она пойдетъ и на Томскъ, на Иркутскъ и дойдетъ до Амура. А если дойдетъ она сюда, то чѣмъ она явится? Что такое сибирская дорога въ ея полномъ развитіи? Взвѣсивая всю цѣну словъ, не обинуясь можно сказать, что это будетъ не сибирская и даже не всероссійская только по значенію своему дорога, но подлинно европейская, всемірная. Пока нѣтъ этой дороги, вся система новыхъ сообщеній на нашемъ старомъ континентѣ всегда будетъ оставаться безъ своего конца; она будетъ имѣть начальную сѣть (въ Европѣ), срединную (въ Россіи), но не будетъ имѣть конечной (въ Азіи). Сибирская вѣть одна только довершаетъ систему и тѣмъ производитъ результатъ, обширность послѣдствій котораго превышаетъ всякое предвидѣніе, потому что результатъ этотъ есть прорѣзаніе всего стараго свѣта, есть соединеніе двухъ океановъ, Атлантическаго и Тихаго.

Пока дорогою изъ Европы въ Азію было одно Средиземное море, ведущее въ Левантъ, до тѣхъ поръ перепутье этой дороги, Венеція, обязана была своему такому положенію всѣми богатствами и всѣмъ процвѣтаніемъ этой маленькой республики. Напротивъ, когда найденъ былъ другой путь туда же, вокругъ мыса Доброй Надежды, счастье Венеціи какъ рукой снято—и она пала. Когда сталъ практиковаться новый путь, вокругъ Африки, тогда новое перепутье его, южная оконечность Африки, не смотря на всю первобытную дикость и дѣвственность свою, быстро стало расти и доросло теперь до степени европейской культурности. Но вотъ открывается еще новый путь, Суэзскій каналъ, движеніе опять измѣняетъ свое направленіе; южной Африкѣ приходится распроститься съ своей фортуной; а новому перепутью, Египту, выпадаетъ такая завидная доля, что, глядя на нее, глаза у англичанъ разбѣжались.

¹⁾ Объ этомъ пути состоялся докладъ въ Обществѣ Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ, въ 1874 г.